
Александр ТИХОНОВ

* * *

На смешенье путей, поколений, надежд, эпох,
За бетонным творением Лахмана, за стеной,
Ходит грузный механик, а может — усталый Бог,
Отмеряя деталям и винтикам срок земной.

Над трамвайным депо фонари и гудящий гнус.
Краснобокие чудища здесь завершают путь.
От полыни с крапивой у воздуха горький вкус.
Я гляжу между плит, чтоб увидеть хоть что-нибудь.

Но не Райскому Саду приписан пустой трамвай,
Тот, который для многих и ныне — «болтов ведро».
«Ну же, ну же, глазастенький, маленький, оживай», —
Мастер тычет отверткой в распахнутое утро.

Все однажды к механику в руки, но не сейчас.
Так представь, будто мы в темноте пробрались ползком
Под одной из приподнятых плит, в этот мрачный час,
Чтоб на старый трамвай посмотреть лишь одним глазком.

Усмехнется механик, а может — усталый Бог.
«Возвращать на маршрут, — тихо скажет, — нелегкий труд».
На смешенье путей, поколений, надежд, эпох
С нами красный трамвай повстречается поутру.

И узнает того, кто глядел меж бетонных плит,
И покатит привычным маршрутом с людьми внутри,
И никто не поверит, что ржавый металл болит.
Лишь полынь, да крапива, да горькие фонари...

* * *

Когда меня поднимут и возвысят
И сквозь туман бесстрастно увлекут
Холодные заоблачные выси,
Дав робкий шанс простому кулику —

Александр Александрович Тихонов родился в 1990 году в поселке Большеречье Омской области. Произведения публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и др. Автор семи книг стихов, прозы и публицистики, соавтор книги «Тайны Оби и легенды Иртыша» (Новосибирск, 2022). Лауреат региональных и всероссийских литературных премий: им. Ф. М. Достоевского (Омск, 2015), им. М. Ю. Лермонтова (2015), «В поисках правды и справедливости» (2016), «Русские рифмы» (2018), «Буламарг» (2021), «В начале было слово» (2021) и др. Живет в Омске.

Не наделен талантами пилота,
Расправлю крылья и уйду в пике,
Чтоб вновь и вновь любимое болото
Расхваливать на птичьем языке.
И что взлетал — забудется под вечер,
Чужие дали, чуждые юга.

И не в меня уйдет заряд картечи,
А в облака.

* * *

Над дверью в Рай табличка «От себя»,
Но мы все тянем-тянем-тянем-тянем...
А в очереди топчутся, сопят
Недобрые на вид самаритяне.

Да только нам, упрямым, нипочем!
Мыском ботинка пробуем, плечом,
Коленом заряжаем что есть мочи.
А может, открывается ключом?
Я угадал? Хотя бы «горячо»?
Да мы тут можем простоять до ночи.

Упрямство, возведенное в инстинкт,
Нам не дает сойти на полдороги.
Охрана из небесных палестин
Выводит нас, скандальных и убогих.

На изгородь, увитую плющом,
Облокотясь, ругаем бюрократов.
Но ключнику сочувствуем как брату.
Передохнем, попробуем еще.

* * *

То холм, то речка-незнакомка,
То друг, то враг, то свет, то тьма...
И каждый день бездарно скомкан,
Поскольку горе — от ума.

Я прохожу по топким весям,
Худой тропой, в туманной взвеси.
Ищу ответы и приют.
Но каждый встречный пьян и весел.
И все поют. И этим бесят!
И от счастливых, хриплых песен
В душе промозглый неуют.

Они, болтливые от хмеля,
Твердят, что жизнь ко мне мила.
На печку взгромоздясь, Емеля
Буксует посреди села.
Иван-дурак с серьезным видом
Мне говорит, что жизнь — игра,
А все ошибки да обиды
Принять и отпустить пора.

Устав от мнений и советов,
Где друг мне — враг и свет мне — тьма,
Я через тьму иду по свету.
Ни просветленья, ни ума.

* * *

Конец пути. Я из вагона вышел,
От утреннего холода дрожа,
И различил, как хриплый голос свыше
Вещает о провозе багажа.

О жизни ли, о смерти ли, о сущем
Твердит он, выкликая поезда?
А над бытийным хаосом гнетущим,
В многоголосой сумеречной гуще
Горит фонарь — библейская звезда.

Шныряют по перрону то и дело
Безумцы, фарисеи, торгаши,
И холодок пронизывает тело
До крохотного зернышка души.

Базар-вокзал, галдящая агора
Затягивает в дикий кровоток.
Я вырвусь из толпы. Я выйду в город.
Так сквозь асфальт с надеждой и укором
К счастливой жизни тянется росток.

* * *

Разоренный курган ловит небо распахнутым ртом.
От беззвучного крика в степи высыхает трава.
Скот обходит такие места беспокойным гуртом,
И боится народ заглянуть в потемневший провал.
Говорят, там легко растерять все остатки ума,
Говорят, там легко обрести седину в волосах.
Из беззубого рта вырывается сизый туман,
Да ночами маячат огни и звучат голоса.

Местный скажет с прищуром, мол, все это — бабье вранье,
Но туристов вести не решится — причина ясна:
Над разверстым курганом в безумстве кружит воронье,
Словно мечутся души, лишившись покоя и сна.

Все с собой у «туристов»: детектор, лопаты, кирка
И заветная карта, что точно сулит барыши.
Суеверный старик из глубин пропитого мирка
Непонятен, как мысль о возможном бессмертье души.
Но они пропадут без следа, лишь успев рассмотреть:
Наконечники стрел, ржавый нож и фигурку божка,
Ведь курган затаился и будто стал ниже на треть...
Словно хищная кошка за миг до прыжка.